

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ISBN 978-5-91608-181-7

С. 20-25

https://doi.org/10.31833/conf_ihll2019.003

УДК 811.512.1

И. Абдувалиев

*Институт языка и литературы им. Ч. Т. Айтматова
720071, Киргизская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265а
E-mail: abduvaliev-ibraim@rambler.ru*

О ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В тюркских языках корни глаголов совпадают с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения и являются основой для образования любой формы глагола. Поэтому они должны отражаться в реестрах словарей по опыту В. Радлова, К. Юдахина, С. Малова, Э. Севортяна. Глагольные формы на **-ыу**, **-мак** и **-рга**, отражённые в реестрах словарей некоторых тюркских языков, являются изменёнными формами глагольных корневых основ.

Ключевые слова: корень, основа, глагол, реестр, инфинитив, отглагольные имена, имя действия.

Академик Национальной академии наук Киргизской Республики Б. М. Юнусалиев, исследовавший развития корневых слов в киргизском языке, писал, что «... корень есть исторически простейшее слово с конкретным значением. Или корень есть звук или звуковой комплекс, не подлежащий дальнейшему морфологическому расчленению и служащий для обозначения конкретного понятия о предмете (явлении) или действии (состоянии)» (29. 43). Рассматривая особенности тюркских односложных лексем, академик А. Т. Кайдаров писал, что «односложная лексема, квалифицируемая в плане синхронии как корень, в плане диахронии может оказаться основой, состоящей из производящей и производной морфем» (12. 5). Этими показателями характеризуются слова в тюркских языках, отражённые в реестре лингвистических словарей.

В данной статье мы, не претендуя на определение структуры корня и основы, обращаем внимание на глаголы тюркских языков, отражённые в реестре переводных и толковых словарей.

В современном киргизском языке термины **корень** и **основа** являются взаимозаменяемыми. Так, в словаре К. К. Юдахина зафиксированы два вида корня, оба они переведены на русский язык *основами*: «**тубаса унгу** лингв. первообразная (*непроизводная*) основа»; «**туунду унгу** грам. производная основа»; **унгу 2.** грам. основа (*непроизводная*), корень [Юдахин, 1965, 805]. Один из выдающихся киргизских лингвистов С. Кудайбергенов даёт одинаковое определение корню и непроизводному слову (*түп сөз*) как дальнейшей не разлагаемой части слова [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 10-11]. Академик Б. О. Орузбаева в вопросах словообразования киргизского языка не касаясь вопроса морфемной части слова, и различая корень от основы, употребляет термины *корневая морфема*, *производная основа* [Орузбаева, 2000, 18].

Известный лингвист С. А. Давлетов подробно исследует морфемы киргизского языка в семантико-структурном аспекте. Он пишет, что морфема — часть слова, имеющая лексические значения и определенную форму, которая в дальнейшем не разлагается на смысловые части. Эти качества отличает ее от производной основы [Давлетов, 2010, 325-326]. Изучив морфемы киргизского языка, он делает выводы, что корневые части слова делятся на две группы.

Первую он называет **свободными корнями** (*эркин уңгу*), которые как без аффиксов, и с аффиксами (словообразующими и формообразующими) выступают полнозначными словами. Например, **сына-** ‘испытывать; критиковать’ < *сын* ‘испытание; критика’; **аша-** ‘есть, кушать’ < *аш* ‘пища’; **бошо-** ‘освободиться’ < *бош* ‘свободный’; **бөлүм** ‘часть, глава’ < *бөл-* ‘делить, разделять’; **ишмердик** ‘деятельность’ < *иш* ‘дело, работа’ и др. В этих словах четко выделяются словообразующие и формообразующие аффиксы (-а; -о; -үм; -мер, -дик). Оставшиеся части (*сын, аш, бош, бөл-, иш*) являются самостоятельными словами – корневыми основами.

Вторую группу корней он называет **связанными корнями** (*байланышма уңгу*), которые могут обозначать лексические значения только тогда, когда к им присоединяются словообразовательные или формообразующие аффиксы. Если отделить аффиксы, такие корневые основы не обладают самостоятельным лексическим значением. Они употребляются в речи благодаря аффиксам как словообразовательного, так и словоизменительного характера, без них никакого значения не имеют. Например:

Чолок ‘хромой’, *камак* ‘арест’, *када-* ‘вонзать, втыкать, вбивать; насаживать’, *куткар-* ‘избавлять, спасать, выручать’, *мыкчы-* ‘мять, тискать (руками)’, *түгөт-* ‘кончить, закончить, завершить’ и др. В этих словах четко выделяются словообразовательные и словоизменительные аффиксы: *чол* + -о + -к (-ык); *кам* + -а + -к (-ык); *кад* + -а; *кут* + -кар; *мык* + -чы; *түг* + -ө + -т, где -а (-о, -ө), -к (ык), -чы являются словообразовательными, -кар, -т словоизменительными аффиксами. Корневые основы *чол, кам* ~ *кат, кад* ~ *кат, кут, мык, түг* ~ *тук* самостоятельно не употребляются. Лексические значения этих связанных корневых основ забыты, их можно восстановить подбором однокоренных слов (*чолток* ‘короткий (о хвосте)’, *чолу-* ‘вырывать, выковыривать’, *чолтой-* ‘быть коротким, куцым’; *кутул-* ‘избавляться, избавиться’), либо по данным письменных памятников или родственных языков (чув. *хуп-* / *хон-* ‘закрывать, затворять, запирает, захлопнуть’; башк. *как-* ‘вбивать, втыкать’; с-уйг. *нык* ‘сила, здоровье’).

Профессор Т. Садыков пишет, что корень является основной морфемой в составе слова и может употребляться как самостоятельное слово, тогда как основа – это словарное слово в реестре словаря [Абдувалиев, Садыков, 1997, 14, 15]. В работе И. Абдувалиева и Т. Садыкова наиболее точно отражается сущность корня, основы и слова, что касается и других тюркских языков.

Передача начальных форм глаголов в словарях тюркских языков является спорной. Махмуда Кашгарский в своем знаменитом словаре «Диван лугат ат-турк» не включал в реестры все лексические единицы. В его книге языковой материал тюркских племен зарегистрирован в живой разговорной форме. В словаре не встречаются отглагольные имена (*масдар*) и неопределённые формы глагола. В словаре М. Кашгарского даны словоформы в составе коротких предложений или словосочетаний. Например, ¹ ار ككردى [Кашгари, - ۳۱۱ 311] är kikiridi ‘мужчина прорыгнул’; من تتركيا تبندم [Кашгари, 327 - ۳۲۷] män täñrigä tabındım ‘я молился всевышнему’.

Рукопись «Диван лугат ат-турк» обработал Рифат Бильге в начале XX столетия, и выстроил слова в реестры по образцу современных словарей. Во всех переводных вариантах словаря (турецкий, узбекский, уйгурский и др.) у Махмуда Кашгарского обнаруживаются глагольные слова в определенных грамматических формах. Например, в форме прошедшего времени **-ğan** и **-di**:

uniŋğan ‘уже забыл’ [Диван ..., 2013, 181] < кирг. унут- ‘забывать’;

¹ Здесь страницы указаны по рукописи.

üzülgän ‘обрывался’ [Диван ..., 2013, 183] < кирг. үзүл- ‘обрываться’;

alqaldı ‘был благословлен’ [Диван ..., 2013, 261] < кирг. алка- ‘благословлять’;

atlandı ‘выступил в поход; отправился в путь’ [Диван ..., 2013, 261] < кирг. аттан- ‘выступать в поход; отправляться в путь; букв. сесть на коня’.

В известном словаре В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» глагольные слова тюркских наречий даны в их корневой и производной формах. У каждого глагола выделена корневая основа и все аффиксы: *ач* ‘открыть, отпереть’; *aikal* (aika+л) ‘быть потрясаемым’; *aikaumыр* (aika+ш+тыр) ‘сложить на крест’; *aikalдыр* (aika+л+дыр) ‘двигать, проводить въ движение’; *aiǰaıлат* (aiǰai+ла+т) ‘заставить кричать’ [Радлов, 1888, Т. 1, ч. 1: стлб. 11, 12, 14]. Как видно, В. В. Радлов во всех глагольных формах отделял аффиксы от корневых основ и указал корневую основу глагола тюркских наречий в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Возможно, подобное отражение глагольных слов тюркских наречий (языков) в переводном словаре является самым верным.

Такой опыт использован К. К. Юдахиным (см. литературу под номерами 27; 28) в составлении «Киргизско-русского словаря», однако он дал переводные толкования также на отдельные залоговые формы, когда залоговая форма слова была лексикализована: **айлан-** 1. двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться;... 2. превращаться;... (28. 31) < ай + ла + н-. Такие корни (**ай-** и т.п.) в киргизском языке являются связанными по определению лингвиста С. А. Давлетова. Курсивом указаны соответствующие залоговые формы: **жабырдан-** *возвр. от. жабырда-* страдать, мучиться [Юдахин, 1965, 209]. Одним из положительных достижений словаря К. К. Юдахина считается правильное отражение форм глаголов современного киргизского языка. В 1967 г. его труд был награждён Государственной премией СССР.

В глоссарии своей книги С. Е. Малов последовал опыту академика В. В. Радлова и своего ученика К. К. Юдахина: *jog-* ‘толковать (сны)’; *jorut-* ‘приводить в движение’; *jögu-* ‘ходить’; *joryt-* ‘заставить идти’ [Малов, 1951, 389]. Составители «Древнетюркского словаря» глагольные основы оформляли в форме второго лица единственного числа: **AZ-** ‘сбиваться с пути, заблуждаться, потерять дорогу’, **AZİL-** *спрад. от az-* 1. ‘теряться, быть потерянным (о дороге)’; 2. ‘заблуждаться, ошибаться’, **AZİT-** *побуд от az-* ‘сбивать с пути, совращать’, **AZLA-** ‘находить, считать малым, недостаточным’ [Малов, 1951, 73]. Составители словаря караимского языка также придерживались опыта В. В. Радлова. В «Караимско-русско-польском словаре глаголы караимского языка даны «в форме основы с дефисом ... **агды-** биться, сражаться; **чых-** ‘выйти, уйти, выбраться’ [Караимско ..., 1974, 32].

В словарях современных тюркских языков глагольные основы отражены в разных формах. Многие авторы тюркоязычных словарей не последовали опыту В. В. Радлова. В башкирском, казахском, узбекском и хакасском языках глаголы даны, в так называемой неопределённой форме глагола, правда, у них разные аффиксы. В башкирских словарях «глаголы даются в принятой башкирской грамматикой форме имени действия на **ыу - еу, оу - өу: укыу, итеу**... Например: **ағып бөтөү** вытечь, вылиться [Башкирско..., 1958, 11]. В казахском также “глаголы даны в виде имени действия ... **-у** или **-ю**” [Кононов, 1956, 8]. В узбекско-русском словаре «глаголы приведены в форме инфинитива на **-моқ**» [Узбекско..., 1959, 11]. Например: **аямоқ** жалеть; щадить [Узбекско..., 1959, 47]. В хакасском “глаголы даются в форме инфинитива, в скобках приводится основа глагола в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. и снабжается дефисом справа” [Хакасско..., 2006, 11], где аффиксы **-арға (-ерге, -рға, рге)** являются показателями инфинитива: **пүдирерге** строить (**пүдир-**) (25. 1066).

В турецком и уйгурском языках глагольные основы в словарях отражены “в форме условного инфинитива”: **boşanmak** пустеть, становиться пустым [Турецко..., 1977, 14; 127]; **تويماق** прорубить; долбить [Уйгурско..., 1968, 114]. В азербайджанском в форме имени действия на **-маг: алмағ, алдырмағ, жазылмағ, жазышмағ, жүжунмағ** [Азербайджан..., 1966-1987, 16].

В тувинском языке глагольные основы даны в форме причастия будущего времени на **-дар: ажыдар (ажыт-)** открывать, раскрывать, отворять, растворять [Тувинско..., 1968, 41].

В киргизских словарях «глагол приводится в форме основы..., де- ‘сказать, молвить’ [Юдахин, 1940, 188], в караимском «глаголы приводятся в форме основы с дефисом...: агъдыбиться, сражаться; чых- ‘выйти, выбраться’ [Караимско..., 1974, 32] слова-глаголы даны в повелительной форме второго лица единственного числа.

В середине XX века в грамматиках отдельных тюркских языков были отмечено наличия инфинитива. Н. К. Дмитриев, например, в «Грамматике башкирского языка», описывая глагольные категории, высказал мнение о том, что инфинитив имеет сравнительно позднее происхождение [Дмитриев, 1948, 170]. А. Н. Кононов в «Грамматике турецкого языка» [Кононов, 1956, 190-191] также обсуждает фиксирование начальной формы глагола в словарях. В грамматике узбекского языка, высказывая такую же точку зрения, ученый писал, что “в словарях узбекского языка (и некоторых других словарях тюркских языков, например азербайджанского, туркменского, турецкого) в качестве инфинитива принята форма с афф. -моқ, которая по существу является именем действия” [Кононов, 1956, 187].

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», изучая лишь историю вопросов морфологии, пришли к выводу о том, что “форма инфинитива в тюркских языках возникла после распада общетюркского языка-основы на отдельные ветви и языки. Поэтому существующие в современных тюркских языках формы инфинитива не могут быть возведены к единой форме инфинитива в общетюркскую эпоху” [Сравнительно..., 1988, 489]. Следует отметить, что в грамматике были использованы термины как *инфинитив*, так и *имя действия*, с несколькими аффиксами: *-maq ~ mäk*, *-yrga ~ -irge ~ -rga*, *-ü ~ -ü* [Сравнительно..., 1988, 483-490/489].

Здесь, во-первых, мы не должны забывать различия между терминами *инфинитив* и *имя действия*, которые иногда называют и *глагольными именами*. Первый термин относится к флективным языкам, для обозначения неопределённой формы глагола. Здесь значения имени или показатели имен отсутствуют. Второй – ещё твёрдо не установленный термин тюркских (агглютинативных) языков. Здесь во многом преобладают значения имени, чем глагола.

Во-вторых, инфинитив, как грамматическая категория, в тюркских языках, в том числе киргизском, отсутствует. Аффиксы *-уу / -үү (-ü / -ü)*, наряду с аффиксами *-оо, -ыш, -мак, -май* в киргизском языке являются аффиксами имени действия, а не инфинитива [Кыргыз..., 1964, 282].

В грамматиках всех тюркских языков основой глагола признаётся форма повелительного наклонения второго лица единственного числа, которая в такой же форме была отражены в реестре словарей современного киргизского и караимского языков. Также глагольные слова в неопределённой форме даны в хакасско-русском и в форме причастий – в тувинско-русском словарях, основы этих глаголов даны в скобках с конечным дефисом.

В грамматике узбекского языка формы на *-(u)ш, -(y)в, моқ* называются именами действия – *харакат номи* (26. 372), в грамматике азербайджанского языка формы на *-маг ~ -мак* – глагольными именами – *фе’ли исим* или *масдәр* [30, 1983, 205-210], подобный подход к передаче глагольных форм наблюдается и в грамматиках некоторых других тюркских языков.

Итак, вопрос о включении глагольных основ в реестры словарей тюркских языков довольно не однозначен. Изучение лексико-грамматических значений глагольных слов тюркских языков показывает, что грамматический термин ‘инфинитив’ (неопределённая форма глагола) для глагольных слов тюркских языков не приемлем. В то же время имя действия (глагольные имена) – особая категория слов по сравнению с другими частями речи. Они обладают категориями имен существительных. Например, изменения по падежам:

Именит. *башкаруу* ‘управление’, *байкоо* ‘наблюдение’

Родит. *башкаруунун* ‘управления’, *байкоонун* ‘наблюдения’

Дат. *башкарууга* ‘управлению’, *байкоого* ‘наблюдению’

Винит. *башкарууну* ‘управление’, *байкоону* ‘наблюдение’

Местн. *башкарууда* ‘(в) управлении’, *байкоодо* ‘(в) наблюдении’

Исходн. *башкаруудан* ‘(от) управления’, *байкоодон* ‘(от) наблюдении’

Эти формы склоняются по лицам:

1-е л. *башкаруум* ‘моё управление’, *байкоом* ‘моё наблюдение’

2-е л. *башкарууң* ‘твое управление’, *байкооң* ‘твое наблюдение’

3-е л. *башкаруусу* ‘его управление’, *байкоосу* ‘его наблюдение’

Кроме того глагольные имена киргизского языка в переводе на русский язык имеют семантику существительного: *окуу* ‘учение’; ‘учиться’, *үйлөнүү* ‘женитьба’; ‘жениться’, *башкаруу* ‘управление’; ‘управлять’, *байкоо* ‘наблюдение’; ‘наблюдать’ и др. В склонениях в функции глагола за основу принимают форму 2-го л. ед. ч.: *оку-й-м* ‘я учусь’, *оку-й-суң* ‘ты учишься’, *оку-й-т* ‘он будет учиться’; в качестве именных слов, за основу принимаются без изменения: *окуу-м* ‘моя учеба’, *окуу-уң* ‘твоя учеба’, *окуу-су* ‘его учеба’.

Вместе с тем глагольной основой для всех тюркских языков, как односложных, так и многосложных, признаётся 2-е л. ед. ч. повелительного залога (*или* наклонения).

Вследствии этого следовало бы для всех тюркских языков отражать в словарях глагольные основы по опыту В. В. Радлова, К. К. Юдахина, С. Е. Малова, Э. В. Севортыяна, где глагольные основы даны в единой форме 2-го л. ед. ч. повелительного залога (*или* наклонения), и перевести их на другие языки в форме инфинитива.

Литература

- Абдувалиев И., Садыков Т. Азыркы кыргыз тили: морфология. Бишкек, 1997.
- Азәрбайжан дилинин изахлы лугати (АДИЛ). 1. Бақы, 1966; 2. Бақы, 1980; 3. Бақы, 1983; 4. Бақы, 1987.
- Ахмеров К. З. Краткий очерк грамматики башкирского языка // Башкирско-русский словарь. – М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Башкирско-русский словарь. – М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Давлетов С. А. Кыргыз тилинин урунттуу маселелери. 1-китеп. Каракол, 2010.
- Давлетов С., Кудайбергенев С. Азыркы кыргыз тили: морфология. Фрунзе: Мектеп, 1980.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. 3-ье изд., исправленное и доп. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1989.
- Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986.
- Караимско-русско-польский словарь. Под. ред. Н. А. Баскакова и др. М.: Русский язык, 1974.
- Кыргыз тилинин грамматикасы: морфология. Фрунзе, 1964.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951.
- Махмуд Кашкари. Дивану лугати-т турк (пер на кырг. яз.). Т. 1. Бишкек, 2013.
- Махмуд Кашгари (рукопись). *Divân-i lugâti’ t-Türk*. Lugat. Istanbul, Millet genel kütübhanesi. Mikrofilm Arşivi, № 153.
- Орузбаева Б. О. Сөз курамы. Бишкек, 2000.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, кн. 1. СПб., 1888.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. М.: Наука, 1988.
- Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.
- Тувинско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1968.
- Узбекско-русский словарь. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.
- Уйгурско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1968.
- Хакасско-русский словарь. Под общ. ред. О.В.Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.
- Хозирги узбек адабий тили. 1 қисм. Тошкент: Укитувчи, 1980.
- Юдахин К. К. (составитель) Киргизско-русский словарь. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940.
- Юдахин К. К. (составитель) Киргизско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965.
- Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. Развитие корневых слов. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959.
- Һүсејнзаде М. Мүасир азәрбайжан дили: морфолокија. Бақы: Маариф, 1983.

ON THE VERBAL BASES OF THE TURKIC LANGUAGES

In Turkic languages, the roots of the verbs coincide with the form of the 2nd person singular imperative and are the basis for the formation of any form of the verb. Therefore, they should be reflected in the dictionaries registers according to the experience of W. Radlow, K. Yudakhin, S. Malov, E. Sevortyan. Verb forms in **-iw**, **-mak** and **-rya**, reflected in the register of dictionaries of some Turkic languages, are altered forms of verbal root stems.

Keywords: root, stem, verb, registry, infinitive, verb names, action name.

References

- Abduvaliev I., Sadykov T. Modern Kyrgyz language: morphology. Bishkek, 1997.
Dictionary of the Azerbaijani language. 1. Baky, 1966; 2. Baky, 1980; 3. Baky, 1983; 4. Baky, 1987.
Akhmerov K. Z. A brief outline of grammar of the Bashkir language. In: Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and national dictionaries, 1958.
Bashkir-Russian dictionary. M.: State Publishing House of Foreign and national dictionaries, 1958.
Davletov S. A. Kyrgyz language issues. 1-kitep. Karakol, 2010.
Davletov S., Kudaibergenov S. Modern Kyrgyz language: morphology. Frunze: Mektep, 1980.
Dmitriev N. K. A grammar of the Bashkir language. Moscow-Leningrad, 1948.
Kononov A. N. Grammar of the modern Turkish literary language. Moscow-Leningrad, 1956.
Kononov A. N. Grammar of the modern Uzbek literary language. Moscow-Leningrad, 1960.
Ancient Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.
Makhmudov H., Musabaev G. Kazakh-Russian dictionary. 3rd ed., Revised and enlarged. Alma-Ata: Kazakh Encycl., 1989.
Kaydarov A. T. The structure of monosyllabic roots and stems in the Kazakh language. Alma-Ata: Nauka, 1986.
Karaim-Russian-Polish dictionary. Under. ed. N. A. Baskakov, A. Zayonchkovsky, S. M. Shapshal. Moscow: Russian language, 1974.
Modern Kyrgyz language: morphology. –Frunze, 1964.
Malov S. E. Monuments of the ancient Turkic writing. Moscow–Leningrad. 1951.
Mahmoud Kashkari. *Divân-i lugâti 't-Türk*. (Kyrgyz. Lang. trans.). Vol. 1. Bishkek, 2013.
Mahmoud Kashgari (manuscript). *Divân-i lugâti 't-Türk. Lugat*. Istanbul, Millet genel kütübhanesi. Mikrofilm Arşivi, No. 153.
Oruzbaeva B. O. Soz Kuramy. Bishkek, 2000.
Radlow W. Experience of a dictionary of Turkic dialects. Vol. 1, book. 1. SPb., 1888.
Comparative historical grammar of the Turkic languages: morphology. Moscow: Nauka, 1988.
Turkish-Russian dictionary. Moscow: Russian language, 1977.
Tuvan-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1968.
Uzbek-Russian dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and nat. dictionaries, 1959.
Uyghur-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1968.
Khakass-Russian dictionary. ed. O. V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka, 2006.
Modern Uzbek literary language. Part1. Toshkent: Ukituvchi, 1980.
Yudakhin K.K. (compiler)/ Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and nat. dictionaries, 1940.
Yudakhin K. K. (compiler) Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965.
Yunusaliev B. M. Kyrgyz lexicology. Part 1. Development of root words. Frunze: Kyrgyzizuchpedgiz, 1959.
Hysejnzadê M. Modern Azerbaijani language: morphology. Baku: Maarif, 1983.